

тей боярских, собиравшихся с воеводами в Серпухове «в царев приход, как царь крымской Магмед-Кирей... реку Оку перелез»<sup>56</sup>. В августе 1521 г. он упоминается как лицо, причастное к расследованию дела о бегстве из Москвы рязанского великого князя Ивана Ивановича: князь Борис Горбатый писал Василию III, «что ему сказывал Семен Бутурлин, что пытали на Коломне Митку Сунбулова сына про князя про Ивана про Рязанского»<sup>57</sup>

В августе 1530 г. Семен Бутурлин получил назначение в Рязань (вместе с С. Г. Михайловым)<sup>58</sup>. В марте 1542 г. С. Н. Бутурлин фигурирует среди детей боярских, «которые в думе не живут, а при послах (литовских.— С. К.) в избе были»<sup>59</sup>. Семен Никитин сын Бутурлин числится здесь по Переславлю (Залесскому). Интересно, что позднее, в середине XVI в., дворовыми детьми боярскими по Переславлю Залесскому были оба сына его брата Ивана и четверо из шести сыновей его брата Андрея (правда, собственные сыновья Семена Никитича ни в Тысячной книге, ни в Дворовой тетради не значатся)<sup>60</sup>. Известий о Семене Никитиче Бутурлине, относящихся к периоду после 1542 г., мы не знаем.

А. А. Зимин обратил внимание на содержащееся в посольской книге упоминание Семена Никитича Бутурлина как новгородского дворецкого, участвовавшего вместе с новгородским наместником Борисом Ивановичем Горбатым в заключении договора со шведскими послами (запись пребывания польского посольства в 1556 г.<sup>61</sup>). На основании этого упоминания Зимин высказал предположение, что С. Н. Бутурлин мог быть новгородским дворецким около 1534/35 г., до начала дворянства его брата Ивана Никитича<sup>62</sup>.

Предлагаемая автором датировка вызывает возражения. Послы шведского короля Густава I Вазы, упомянутые в посольской записи 1556 г. в качестве контрагентов Б. И. Горбатого и С. Н. Бутурлина — Кнут Ондреев и Бернедин Миколаев, — известны и по другим источникам. Согласно летописям, «Кнут Аньдрей с товарищи» прибыли в Москву 25 февраля 7045 (1537) г. и били челом вели-

<sup>56</sup> РК<sub>1</sub>, с. 65; РК<sub>2</sub>, т. I, ч. 1, с. 177.

<sup>57</sup> Акты исторические, т. I. СПб., 1841, № 127, с. 349; АСЭИ, т. III, № 391, с. 408.

<sup>58</sup> РК<sub>1</sub>, с. 74; РК<sub>2</sub>, т. I, ч. 2. М., 1977, с. 216.

<sup>59</sup> Сб. РИО, т. 59. СПб., 1887, № 9/III, с. 147.

<sup>60</sup> Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.—Л., 1950, с. 268; ср.: Долгоруков П. В. Российская родословная книга, ч. II. СПб., 1855, с. 156, № 45—53.

<sup>61</sup> Сб. РИО, т. 59, № 34, с. 536. Упоминание о том же (но без указания имен шведских послов) имеется также в записи переговоров с царским послом Николаем Варкочем в 1593 г. (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. I. СПб., 1851, стб. 1306, 1396; в указателе к этому изданию, в стб. 1524, С. Н. Бутурлин определяется как дворецкий Великого Новгорода).

<sup>62</sup> Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в.— «Исторические записки», 1958, т. 63, с. 193, прим. 126.